

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

Выпуск 7

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1990

Обратимся теперь к книге воспоминаний Крученых «Наш выход». В главе «Знакомство с Бурлюками» автор повествует о событиях, предшествовавших появлению в свет литературной группы «будетлян»: о знакомстве в 1907 году с семьей Бурлюков и посещении имения графа Мордвинова «Черная долина» около Херсона, где отец семейства — Д. Ф. Бурлюк служил управляющим.

«16-ти лет поступил в Одесское художественное училище, каковое и окончил в 1906 году,— писал Крученых в «Автобиографии дичайшего». — В 1907-8 годах я начал работать с многочисленными Бурлюками и Бурлючихами, пропагандируя живописный кубизм в южной прессе» (15 лет русского футуризма. М., 1928. С. 57—58). В том же художественном училище Одесского общества изящных искусств в 1899—1901 годах учился Д. Д. Бурлюк. Крученых познакомился с семьей Бурлюков: отцом Давидом Федоровичем, матерью Людмилой Иосифовной, сыновьями: Давидом (поэтом и художником), Николаем (художником и поэтом), Владимиром (художником), дочерьми: Людмилой (художницей), Надеждой и Марианной. Строки Брюсова, которые в воспоминаниях Крученых произносит Д. Д. Бурлюк, взяты из поэмы «Конь Блед»; точный текст таков:

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был невсчерпаем яростный людской поток

(Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 442).

ЗНАКОМСТВО С БУРЛЮКАМИ

Познакомился я с Бурлюками еще в Одессе. Насколько я помню, в 1904—05 гг. существовавшее там общество искусств устроило очередную выставку, на которой всех поразили цветные картины Бурлюков.

Им пришлось выступить среди серовато-бесцветных холстов подражателей передвижникам. Картины Бурлюков горели и светились ярчайшими: ультрамарином, кобальтом, светлой и изумрудной зеленью и золотом крона. Это все были plain air ы, написанные пуантелью.

Помню одну такую картину. Сад, пропитанный летним светом и воздухом, и старуха в ярко-синем платье. Первое впечатление от картины было похоже на ощущение чело-

века, вырвавшегося из темного подвала: глаз ослеплен могуществом света.

Фигуры, писанные Бурлюками, были несколько утрированы и схематичны, чтобы подчеркнуть то или иное движение или композицию картины. Бурлюки срезали линию плеча, ноги и т. д. Подчеркивание это необычайно поражало глаз.

Впоследствии, когда я увидел Гогена, Сезанна, Матисса, — я понял, что утрирование, подчеркивание, предельное насыщение светом, золотом, синькой и т. п., — все эти новые элементы, канонизированные теорией неоимпрессионизма, на самом деле были переходом к новым формам, подготовившим в свою очередь переход к кубо-футуризму.

Кроме красочной необузданности, у Бурлюков был еще трюк: их картины, вместо тяжелых багетов или золоченых рам, тогда модных, окаймлялись веревками и канатами, выкрашенными в светлую краску. Это казалось мне шедевром выдумки. Публика приходила в ярость, ругала Бурлюков всю и за канаты, и за краски. Меня ругань эта возбуждала.

Конечно, я познакомился с бывшим на выставке Владимиром Бурлюком. Атлетического сложения, он был одет спортсменом и ходил в черном берете. В то время подобный костюм казался вызовом для всех.

В нашем живописном кругу трех братьев Бурлюков различали несколько своеобразно: Владимира звали «атлетом», младшего — Николая — «студентом», а «самого главного» — Давидом Давидовичем. Не знаю, что было бы, если бы я сразу встретился с Давидом Давидовичем, но, знакомясь с Владимиром, я не предчувствовал, что мы будем так близки во времена футуризма. Нечего говорить, что самую выставку Бурлюков и их картины я считал «своим» кровным.

Один из моих товарищей советовал мне ближе узнать этих художников. Я ухватился за эту мысль и еще до поездки в Москву собрался к Бурлюкам. Они жили в огромном имении графа Мордвинова Чернянках, где их отец был управляющим. Я предупредил телеграммой о своем визите. Но это оказалось лишним. У Бурлюков все было поставлено на такую широкую ногу, что моя ничтожная личность пропадала в общем хаосе. К управляющему сходилось множество народу, стол трещал от яств.

Давид Давидович встретил меня ласково. Он ходил в парусиновом балахоне, и его грузная фигура напоминала роденовского Бальзака. Крупный, сутулый, несмотря на свою молодость, расположенный к полноте, — Давид Давидович выглядел медведеобразным мастером. Он казался мне столь

исключительным человеком, что его ласковость сначала была понята мною как снисходительность и я приготовился было фыркать и дерзить. Однако недоразумение скоро растаяло.

Правильно, по-настоящему оценить Давида Давидовича на первых порах мешает его искусственный стеклянный глаз. У слепых вообще лица деревянные и почему-то плохо отображают внутренние движения. Давид Давидович, конечно, не слепой, но полузряч, и асимметричное лицо его одухотворено вполовину. При недостаточном знакомстве эта дисгармония принимается обыкновенно за грубость натуры, но в отношении Давида Давидовича это, конечно, ошибочно. Более тонкого, задушевного и обаятельного человека едва ли можно встретить.

Этот толстяк, вечно погруженный в какие-то искания, в какую-то работу, вечно суетящийся, полный грандиозных проектов, — заметно ребячлив. Он игрив, жизнерадостен, а порою и... простоват.

Давид Давидович очень разговорчив. Обыкновенно он сыплет словами — образными и яркими. Он умеет говорить так, что его собеседнику интересно и весело. Записывать свои мысли он не любит, и мне кажется, что все записанное не может сравниться с его живым словом. Это — замечательный мастер разговора.

К завтракам и обедам сходилась большая семья, масса знакомых, гостивших здесь, и все, кто имел дело к управляющему: врач, контрагенты. Стол накрывался человек на сорок. Думается, что и у графа Мордвинова не было такого приема. Кроме троих братьев Бурлюков было еще три сестры. Старшая Людмила — тоже художница, две другие — подростки.

За обедом Давид Давидович много болтал. Между прочим, мне памятен рассказ про каменную бабу, недавно открытую им где-то в курганах. У бабы сложены руки на животе. Давид Давидович острил:

— Из этого видно, что высокие чувства не были чужды этой богине.

С этой каменной бабой случилось нечто курьезное. Когда отец Бурлюков ушел на пенсию, граф разрешил ему вывезти домашние вещи на его, мордвиновский, счет. И вот каменная баба совершила путешествие по железной дороге из Тавриды к Бурлюкам в Москву, а там — никому не нужная — была брошена где-то на задворках.

После обеда, когда столовая пустела, братья Бурлюки, чтоб размяться, пускали стулья по полу с одного конца

громадной залы на другой. Запуская стул к зеркалу, Владимир кричал:

— Не рожден я для семейной жизни!

Затем мы шли в сад писать этюды. За работой Давид Давидович читал мне лекции по пленеру. Людмила Давидовна, иногда ходившая к нам на этюды, прерывала брата и просила его не мучить гостя словесным потоком. В ответ на это Давид Давидович сначала как-то загадочно, но широко и добродушно улыбался. Лицо его принимало детское, наивное выражение. Потом все это быстро исчезало, и Давид Давидович строго отвечал:

— Мои речи сослужат ему большую пользу, чем шатанье по городским улицам и ухаживание за девицами.

Иногда лекции эти затухали сами собой, и тогда Давид Давидович многозначительно произносил свое обычное «ДДДа», упирая на букву «д». Некоторое время молча накладывал на холст пуантель. Затем вдруг принимался громогласить, декламировать Брюсова — почти всегда одно и то же:

Мчались мимо моторы, автомобили, кебы,
Был неисчерпаем яростный людской поток...

Читал стихи он нараспев. Тогда я еще не знал этого стиля декламации, и он казался мне смешным, после я освоился с ним, привык к нему, теперь порой и сам пользуюсь им.

Кроме строчек про моторы, Давид Давидович читал мне множество других стихов символистов и классиков. У него была изумительная память. Читал он стихи, как говорится, походя, ни к чему. Я слушал его декламацию больше с равнодушием, чем с интересом. И казалось, что, уезжая из Чернянок, я заряжен лишь живописными теориями пленера, на самом деле именно там я впервые заразился бодростью и поэзией (ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 36, л. 38—40).

В воспоминаниях «Об опере «Победа над солнцем», написанных в 1960 году, Крученых рассказывает о постановке 2 и 4 декабря 1913 года обществом художников «Союз молодежи» в петербургском театре «Луна-парк» трагедии «Владимир Маяковский» и 3 и 5 декабря оперы «Победа над солнцем» (пролог к опере написал В. Хлебников, текст либретто — Крученых, музыка М. В. Матюшина, декорации выполнил К. Малевич). В это время познакомился Крученых с художником Павлом Николаевичем Филоновым (1883—1941), также принимавшим участие в работе над постановками (о работе художников И. С. Школьника, П. Н. Филонова и К. С. Малевича над декорациями к постановкам «Первого в